

ВВЕДЕНИЕ

Публика любит вождей и героев. На себя ей по большому счету наплевать. Большие люди вершат большие дела, распоряжаются судьбами миллионов, творят великое благо или великое зло, в них (и только в них!) сосредоточена «вся правда» прошлой жизни. Они (и только они!) отвечают за то, что было, и за то, что стало. Мало кому есть дело до малых сих, способных в лучшем случае беспрекословно следовать предначертаниям очередного политического гения или идиота, а в худшем - постоянно путаться у него под ногами, сомневаться, брюзжать, хулить власть и изредка бунтовать. И все-таки в косноязычном бормотании человека с улицы (в нашем с вами бормотании), в угрозах и выкриках, звучащих на площадях, в корявых событиях давнего и недавнего прошлого, гораздо больше смысла, чем это обычно кажется. Правители, которые слишком поздно начинали слушать и слышать голос толпы, те, кто с презрением отворачивался от жаждущего справедливости «простонародья», рано или поздно уходили из истории «ошиканными и срамимыми» (выражение Н.Г.Чернышевского). А конфликтное противостояние народа и власти, окрашенное в кровавые тона массовых волнений и беспорядков, меняло не только правила игры, но и приводило к появлению новых форм общественного «сосуществования» и даже формировало в сознании народа и элит новые модели мира.

Так было и после смерти Сталина, когда советское общество охватила беспрецедентная по своему размаху волна массовых волнений, беспорядков, этнических и социальных конфликтов. Первый удар по сталинскому «террористическому социализму» нанес «конфликтный социум» Гулага. Волнения, бунты и волынки 1953-1955 гг., в которых принимали участие все категории заключенных, обнажили перед преемниками Сталина рассыпающийся фундамент режима, шаткость его краеугольных камней - политического террора и чрезвычайщины как инструментов управления, принудительного труда как разлагавшегося уклада «социалистической экономики», репрессий и насилия как способов умиротворения общества. А вскоре, уже на воле,

целый ряд районов СССР превратился в зону повышенной социальной напряженности. Произошла стремительная расконсервация традиционных, появились новые формы и модели массового конфликтного поведения.

В ряде случаев социальные и этнические конфликты 1950-1960-х гг. доходили до кровопролитных столкновений, активным участником которых становилась государственная власть и ее полицейские силы. Наиболее острые и болезненные конфликты имели место в районах массовой миграции населения и индустриального строительства, а также на Северном Кавказе и в Закавказье, но в ряде случаев волнения или их отголоски докатывались до центральных районов страны, крупных городов, столиц союзных и автономных республик. Высшей точкой глубокого конфликта между населением и властью, пиком народного недовольства политикой Хрущева стало стихийно вспыхнувшее летом 1962 г. восстание в Новочеркасске. Для его подавления растерявшиеся и упустившие инициативу коммунистические правители ввели в город войска и отдали приказ стрелять по толпе. В ходе событий несколько десятков человек было убито и ранено.

События в Новочеркасске можно считать своеобразным рубежом, после которого волна кровавых и массовых столкновений народа и власти постепенно пошла на убыль. В 1963-1967 гг. еще фиксировались отдельные рецидивы волнений, при подавлении которых власти применяли оружие. Но, начиная с 1968 г. и вплоть до смерти Брежнева (1982 г.), оружие не применялось ни разу. В 1969-1976 гг. КГБ СССР вообще не зарегистрировал ни одного случая массовых беспорядков¹. Другими словами, брежневский режим научился обходиться без применения крайних форм насилия и, как правило, гасил периодически вспыхивавшее недовольство без стрельбы и крови.

Вряд ли можно считать, что причина этого исключительно в профессионализме сотрудников КГБ и политической мудрости партийных комитетов в центре и на местах. Объяснение все-таки следует искать в общих социально-политических факторах, позволивших

---

¹ См. О массовых беспорядках с 1957 года... // Источник. 1995. № 6. С.143-153.

советскому руководству выбраться из глубокого кризиса, поразившего хрущевское общество в конце 1950- начале 1960-х гг., и остановить стихийную волну городских беспорядков, погромов, этнических конфликтов, коллективных драк, все чаще перераставших в столкновения с представителями власти.

Консервативный поворот в официальной идеологии после удаления Хрущева (как известно, важной составляющей этого поворота была частичная реабилитация Сталина, проходившая под лозунгом более «сбалансированных» оценок прошлого) уходит своими корнями не только в стремление партийного руководства укрепить идеологическую базу режима, но и в достаточно распространенный в широких слоях населения (кроме интеллигенции) ностальгический «консерватизм» и жажду «порядка». Символично, что последние по времени крупные массовые беспорядки хрущевской эпохи, при подавлении которых применялось огнестрельное оружие и были привлечены значительные дополнительные силы милиции (город Сумгаит Азербайджанской ССР), сопровождались выкрикиванием просталинских лозунгов. В конце концов, «народ», не имевший руководителей, и власть, на время потерявшая ориентиры, нашли новые формы симбиоза и сравнительно мирно вступили в эпоху брежневского застоя. В чем-то это похоже на период сравнительно мирного сосуществования крепостного крестьянства, помещиков и российской монархии после поражения Пугачева и вплоть до реформы 1861 г., когда политическая активность интеллигенции соседствовала с безразличным безмолвием народа.

Для советских историков, написавших в свое время горы книг и статей по истории социализма в СССР, насильственные социальные конфликты, тем более конфликты «население - власть», были закрытой темой. Парадоксально, но фальшивое «безмолвие» народа в сталинском и послесталинском обществе, преподносившееся коммунистическими идеологами как «морально-политическое единство советского общества», долгое время казалось таковым и за «железным занавесом». Западные исследователи, лишившиеся доступа к информации после Большого террора, попросту не знали, о том, что на самом деле происходило в СССР при Сталине и сразу после его смерти.

Стоит ли удивляться, что, например, «старая» троцкистская историография 1950-х гг., в частности И.Дойчер, отстаивала тезис о том, что в последние 15 лет сталинского правления (после подавления организованного сопротивления троцкистов в лагерях) в советском обществе вообще не осталось ни одной группы (даже в тюрьмах и лагерях), способной бросить вызов Сталину. В результате «в сознании нации образовался громадный провал. Ее коллективная память была опустошена, преемственность революционной традиции порвана, способность создавать и кристаллизовать любые неконформистские понятия уничтожена. В итоге в Советском Союзе не осталось не только в практической политике, но даже и в скрытых умственных процессах какой-либо альтернативы сталинизму»¹. Это утверждение столь же категорично, сколь и неверно. Достаточно вспомнить о продолжительной вооруженной борьбе украинских и прибалтийских националистов в 1940-е гг. на периферии СССР, особую роль этих протестных групп в социальной жизни Гулага и в организации сопротивления лагерной администрации, о военных и послевоенных пополнениях Гулага из числа бывших военнослужащих Красной армии, не говоря уже об организаторах забастовок и восстаний в особых лагерях в 1953-1954 гг., чтобы не согласиться с точкой зрения И.Дойчера.

Первые документальные свидетельства о событиях в лагерях накануне и после смерти Сталина просочились на Запад благодаря воспоминаниям вернувшихся в 1950-е гг. иностранцев - бывших политических заключенных и (или) военнопленных². В ряде случаев эти люди были очевидцами и даже участниками крупных волнений³. Особое значение для нашей темы имела написанная по свежим следам книга Йозефа Шолмера «Воркута», значительная часть которой была

---

1 Дойчер И. Троцкий в изгнании. М., 1991. С.452.

2 Подробную библиографию этих публикаций см.: Books on Communism and the Communist Countries/ A selected bibliography edited by P.H.Vigor. Ampersand LTD. London. 1971. Part 1. Studies of Communism in general and in the USSR. Section 25. Forced Labour and Personal Experiences of Prisons and Concentration Camps in the USSR. P.202-208.

3 См. например: With God in Russia by Walter J.Ciszek, S.J. with Daniel L.Fnaherty, S.J. Image books. A Division of Doubleday & Company, Inc. 1966 (о восстании в Горлаге); Scholmer, Dr. Joseph. Vorkuta. (Translated from the German). London: Weidenfeld & Nicolson, 1954 (о восстании в Речлаге).

посвящена событиям 1953 г. в Речлаге МВД СССР¹. Основанная на личном опыте и впечатлениях книга Шолмера тем не менее вышла за рамки чисто мемуарной литературы. Напрямую обращенная к западному общественному мнению и правительствам, она представляла собой не просто яркий рассказ очевидца, но и содержательный анализ перспектив внутреннего сопротивления коммунистическому режиму, враждебных ему социальных и политических сил, а также причин и условий организованного открытого выступления заключенных Особого лагеря № 6.

Шолмер явно переоценил протестный потенциал Гулага, поскольку исходил из многократно (более чем в десять раз) завышенной и приемлемой только для пропагандистских целей численности лагерного населения (15 миллионов человек), преувеличенных представлений о реальной доле «политических» в общей массе заключенных. Но зато он оказался первым и, кажется, единственным из авторов, писавших о восстаниях политических заключенных, кто обратил особое внимание на международный контекст событий 1953-1954 гг. в Гулаге, на глубинную связь между выступлениями политических узников в СССР и Берлинским восстанием июня 1953 г. К сожалению, описательная историография последних десятилетий, как российская, так и западная, ориентированная главным образом на более или менее адекватное воспроизведение событийной канвы, оставила без внимания эти принципиально важные для понимания событий свидетельства Шолмера.

Появившиеся на Западе в 1950-1960-е годы публикации, посвященные Гулагу вообще, протестному движению заключенных, в частности², заложили первый камень в источниковедческий фундамент

---

1 Автор, работавший врачом в Восточной Германии, в 1949 году был арестован, обвинен в шпионаже, приговорен к 25 годам лагерей. Срок отбывал в основном в Воркуте, где и стал очевидцем волнений политических заключенных в июле-августе 1953 г. После освобождения оказался на Западе, написал на немецком языке воспоминания о Воркуте. См.: Scholmer J. *Arzt in Workuta. Bericht aus einem sowjetischen Straflager*. München. 1954. В том же 1954 г. книга была переведена на английский язык. См.: Scholmer, Dr. Joseph. *Vorkuta. (Translated from the German)*. London: Weidenfeld & Nicolson, 1954.

2 См. например: Венгров П. О подпольных организациях в советских концентрационных лагерях в 1946-1954 годах // Вестник института по изучению СССР. Мюнхен. 1957.

будущих исследований. Однако западные историки-профессионалы, всегда неуютно чувствующие себя в «одномерном» пространстве мемуарных свидетельств и «устной истории», привыкшие ориентироваться на подлинные документы и архивные материалы, долгое время избегали всерьез заниматься этой проблематикой. Прорыв в разработке темы, в конце концов, совершили не историки, а писатель, и не на Западе, а в России.

В 1970-е гг. "Архипелаг Гулаг", универсальный символ тотального зла, стал достоянием мирового исторического и культурного опыта благодаря великой книге Александра Солженицына. Именно Солженицын восстановил (в основном, по устным свидетельствам очевидцев) конфликтную историю сообщества заключенных 1930-1940-х гг. и описал ход и исход беспрецедентных по размаху восстаний узников особых лагерей в 1953-1954 гг. В определенном смысле его труд можно сравнить с первыми мореходными картами: при всей неточности и легендарности тех или иных конкретных сведений исследование Солженицына превратило историю Гулага из «terra incognita» в реальное, интеллектуально постигаемое пространство, в факт мировой истории.

Что касается последовавших за восстаниями в лагерях волнениях и массовых беспорядках «на воле», то о большинстве из них (особенно ранних) ни в самом СССР, ни тем более за его пределами практически ничего не знали. Первые попытки исторической реконструкции «засекреченных» советскими властями событий начались после восстания в Новочеркасске. В 1964 г. появилась статья Альберта Бойтера «Когда перекипает котел»¹, собравшая воедино обрывки просочившейся через «железный занавес» информации. По современным критериям, эта работа ни в коей мере не удовлетворяет требованиям научности. И дело не в том, что статья основана исключительно на слухах и устных свидетельствах, за это как раз можно винить кого угодно, кроме Бойтера. У него другой информации просто не было. Главное, в тенденциозности анализа и излишней доверчивости

---

1 Albert Boiter, "When the Kettle Boils Over," Problems of Communism 1964, No. 1, pp. 33-

автора к своим источникам - слухам, пересказанным западными корреспондентами, и рассказам анонимных советских туристов. Бойтер ограничился обсуждением двух случаев массовых беспорядков (Новочеркасск, 1962 г. и Кривой Рог, октябрь 1963 г.). Еще девять эпизодов были упомянуты мимоходом.

На протяжении последующих 30-ти лет статья была основным источником информации о бунтах и рабочих протестах 1960-1964 гг. Ее часто цитировали. Предварительный и весьма неточный перечень событий, в конце концов, стал общепризнанным, вошел в западные обобщающие работы и учебники по советской истории. В ряде случаев на первоисточник, А.Бойтера, даже не ссылались, воспринимая его информацию как истину в последней инстанции. В концептуальном плане западная историческая литература, в которой, так или иначе, затрагивалась интересующая нас тема, отличалась весьма упрощенной интерпретацией событий в Новочеркасске, понимаемых почти исключительно как «борьба с коммунизмом», в лучшем случае, как начало (после долгого перерыва) борьбы рабочего класса за свои экономические права. Волнения в Новочеркасске заняли особое место и в третьем томе «Архипелага Гулаг». А.И.Солженицын не только описал эти события, назвав их (с известной долей преувеличения) поворотной точкой всей советской истории, началом борьбы народа против коммунистического ига, но и коснулся предшествовавших им беспорядков в Муроме и Александрове в 1961 г.

Открытие архивов и спецхранов, рассекречивание миллионов архивных дел, критический анализ собственного историографического опыта и исследований западных советологов и славистов позволили российским историкам существенно продвинуть вперед как фактографию советской истории, так и ее концептуальное осмысление. Но в изучении послевоенной истории СССР и российским, и западным историкам фактически пришлось начинать с нуля - не столько «переосмысливать» «либеральный коммунизм» и «добирать» информацию по отдельным малоизученным проблемам, сколько двигаться по архивной целине,

рискуя к тому же натолкнуться на завалы «частичного рассекречивания» целых комплексов документов.

Парадоксальность ситуации, сложившейся в российской историографии «либерального коммунизма» после распада СССР и краха советской системы, заключалась в том, что даже серьезные авторы, писавшие о послевоенном периоде, нередко попадали в своеобразную методологическую ловушку. Воспринимая коммунистическое прошлое как «неполноценное настоящее» и часто опираясь на либеральную «западническую» модель желаемого типа развития, они склонны были рассматривать эпоху Хрущева и Брежнева в контексте некоей готовности (или неготовности) общества и власти к «реформам». Тупики, в которых каждый раз оказывались подобные «реформы», оценивались как исключительная вина коммунистических правителей, страдавших то ли доктринальной слепотой, то ли бюрократическим идиотизмом. В сущности, некоторые распространенные на рубеже 1980-1990-х гг. интерпретации «оттепели» и «застоя» страдали подменой прагматической динамики государственного управления ее искаженным идеологическим образом, упрощением реальных взаимоотношений народа и власти в авторитарных политических системах.

Ответом на подобные публицистические и журналистские упрощения стал уход серьезных историков в сферу «позитивного эмпиризма» в начале 1990-х гг.¹. Результатом накопления и осмысления совершенно нового фактического материала стало появление ряда профессиональных исследований по истории власти и общества в СССР. Как историки власти, так и социальные историки рассматривали в своих работах особенности «либерального коммунизма» как системы политики, идеологии и власти, механизмы принятия решений, способы «переработки» значимой социально-политической информации в структурах управления, динамику взаимодействия «управляющих» и

---

¹ Подробнее об этих новых явлениях и процессах в историографии и источниковедении советского общества см.: Козлов В.А. Российская история: обзор идей и концепций (1993-1995). Ч.1-2 // М.: Свободная мысль. - 1996, № 3 и 4; Козлов В.А. Локтева О. «Архивная революция» в России (1991-1996) // М.: Свободная мысль. - 1997, № 1, 3 и 4.

«управляемых», изменения в массовой психологии и в сознании элит, историю «интеллигентского» инакомыслия¹.

Одновременно обозначились контуры новых проблем, связанных с пониманием кризиса взаимоотношений народа и власти, порожденного стрессом ускоренной модернизации, последствиями Большого террора и репрессий 1930-1940-х гг., Второй мировой войны и распадом сталинского «террористического социализма». Будучи эскизно очерчены в новейшей историографии, эти проблемы практически не подвергались серьезному анализу. В большинстве случаев поиск информации о событиях и процессах, специально загонявшихся коммунистическими правителями на периферию «видимой» истории, требовал очень кропотливых и длительных архивных поисков. Помимо этих очевидных профессиональных трудностей были еще и другие, не столь явные, но может быть более существенные. В разгар политических бурь последних десятилетий исследователям было довольно трудно увлечься историей событий, весьма слабо облагороженных политическими требованиями и часто крайне сомнительных с моральной точки зрения. Во многих случаях граница между «антисоциалистическим» и «антиобщественным» была настолько размыта, что массовые беспорядки как форма социального протеста просто выпадали из основного потока «переосмысления прошлого» и выглядели недостаточно респектабельно. Неудивительно, что российские исследователи и публикаторы документов с большим энтузиазмом посвящали свои работы организованным и политически очевидным формам сопротивления коммунистической власти - антисоветским мятежам периода гражданской войны и перехода к новой экономической

---

1 Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945-1991. М.: Издательство РАГС.- 1998; Лейбович О. Реформа и модернизация в 1953-1964 гг. Пермь, 1993. Н.С.Хрущев (1894-1971). Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Н.С.Хрущева. 18 апреля 1994 года. Горбачев-фонд.- Госсийский государственный гуманитарный университет, 1994; Власть и оппозиция: Российский политический процесс XX столетия. - М.: РОССПЭН.- 1995; Пановян Е., Пановян А. Участие Верховного Суда СССР в выработке репрессивной политики. (1957-1958 гг.)// Общество "Мемориал", Фонд имени Генриха Бёлля. Корни травы. Сб.статей молодых историков.- М.: "Звенья".- 1996; Безбородов А.Б. Феномен академического диссидентства в СССР. - М.: РГГУ, 1998; Безбородов А.Б., Мейер М.М., Пивовар Е.И. Материалы по истории диссидентского и правозащитного движения в СССР 50-х – 80-х годов: Учеб.пособие. М.; Геттинген, 1994

политике¹, крестьянским волнениям периода коллективизации², событиям, подобным мятежу на противолодочном корабле «Сторожевой» в 1975 г.³ и т.п.

Известное исключение составляли волнения в Новочеркасске в 1962 г.⁴. Серьезным вкладом стала публикация Р.Г.Пихои, Н.А.Кривовой, С.В.Попова и Н.Я.Емельяненко «Новочеркасская трагедия, 1962»⁵. Авторы этой профессиональной работы резонно отвергли официальную версию событий тридцатилетней давности - «тенденциозную, но выгодную для КПСС»⁶. «Отсюда, - справедливо писали Р.Г.Пихоя и его соавторы, - возникают поиски среди организаторов выступлений «уголовных элементов», противопоставляемых сознательным рабочим. Но в документах не отмечено ни одного случая грабежа, попыток захвата чужой собственности. Несмотря на отдельные эксцессы, участники

---

1 См. например: Кронштадтская трагедия 1921 года: Документы в двух книгах. Кн.1-2.- М.: РОССПЭН, 1999; Васильев Г. Восстание Сапожкова в Заволжье. // Волга. 1994. № 9/10; Семанов С.Н. Кронштадтский мятеж: Глава из рукописи. // Слово. 1992. № 10; Терещук В. Мятеж. // Нива. 1992. №5; Дмитриев П.Н., Куликов К.И. Мятеж в Ижево-Воткинском районе. Ижевск: Удмуртия. 1992; Саначев И.Д. Крестьянское восстание на Амуре - кулацкий мятеж или шаг отчаяния? // Вестник Дальневосточного отделения Российской АН. 1992. № 3/4; Неизвестный Кронштадт. // Родина. 1993. № 7; Козляков В. "Служба эта была для России...": Ярославский мятеж 1918 г. // Волга. 1993. № 3; Кронштадтская трагедия 1921 года. // Вопросы истории. 1994. № 4,5,6,7; Крестьянское восстание в Чувашии. Январь 1921 г. // Вестник Чувашской национальной академии. 1994. №2; Якубова Л. Кулацкие мятежи или крестьянская война? // Татарстан. 1992. № 7/8; Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг.: "Антоновщина": Документы и материалы. Тамбов. 1994; Третьяков Н.Г. Состав руководящих органов Западно-Сибирского восстания 1921 г. // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 1994. №2; Крестьянская война. // Военно-исторический журнал. 1993. №1; 2; Макаров Г.Г. Антисоветское вооруженное движение в Якутии осенью 1921 года // Проблемы социально-экономической и общественно-политической истории Якутии. Якутск. 1993; и др.

2 См. например: Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы в 5 томах. 1927-1939. Т.1. Май 1927 – ноябрь 1929.- М.: РОССПЭН.- 1999; Романец Н.Р. Массовые антиколхозные выступления крестьянства периода коллективизации как реакция на аграрную политику советского государства. // Тоталитаризм и личность. Пермь. 1994; и др.

3 См.: Черкашин Н.А. Последний парад: Хроника антибрежневского мятежа. М.: Андреевский флаг. 1992; Мятежный капитан. // Родина. 1993. № 3

4 См.: Мордарь И. Хроника необъявленного убийства. Новочеркасск. 1992; Новочеркасская трагедия, 1962 // Исторический архив. 1993. №1, 4. Определенное представление об общей обстановке в стране, сопутствовавшей волнениям в Новочеркасске, дает публикация В.Лебедева ""Объединяйтесь вокруг Христа - большевики повысили цены": Отношение населения СССР к повышению цен на продукты питания в 1962 г." в книге "Неизвестная Россия. XX век" (вып.3. М.: Историческое наследие. 1993)

5 Новочеркасская трагедия, 1962.// Исторический архив. 1993. № 1, 4

6 Исторический архив. 1993. № 1. С.111

выступлений не стремились к насилию. Власти смогли предъявить лишь два обвинения в попытках завладеть оружием»¹.

При оценке действий участников волнений публикаторы в какой-то мере воспользовались обычной для советской историографии логикой, оправдывавшей, например, ссылками на «отдельные эксцессы» насилия и преступления «революционных рабочих» в годы революции и гражданской войны. Между тем, новочеркасские события, представлявшие собой слоеный пирог причин, мотивов, программ и моделей поведения, в принципе не имеют «векторной», однолинейной интерпретации: «хулиганствующие» и «криминальные элементы», обманом увлекшие за собой «несознательных» - в коммунистической версии событий, или мирная демонстрация возмущенных и не склонных к насилию рабочих - в либеральной.

Небольшая книга журналистки И.Мардарь «Хроника необъявленного убийства» (Новочеркасск. 1992), построенная в основном на материалах Главной военной прокуратуры СССР, а также воспоминаниях участников событий, выглядит менее «идеологической» и более «объективистской». Написанная без соблюдения некоторых обязательных для профессиональных исторических работ требований (отсутствуют сноски на источники и т.п.) эта книга представляет собой одну из первых реконструкций события - день за днем, час за часом. Судя по всему, И.Мардарь, занимавшаяся журналистским расследованием на рубеже 1980-1990-х гг. не смогла использовать ряд важных, но недоступных в то время источников. Возможно, поэтому в работе появилось довольно много мелких фактических ошибок, исправление которых, в принципе, не может существенно изменить правдивости общей картины. «Объективистский» пафос книги И.Мардарь не помешал автору, как выразить сочувствие жертвам произвола, так и с пониманием отнестись к тем рядовым участникам событий, кто волею судьбы (солдатская служба, присяга и т.п.) стал исполнителем злой воли правителей.

---

¹ Исторический архив. 1993. № 1. С.111

Появившиеся на Западе в 1990-е гг. работы по истории рабочих волнений в Новочеркасске представляли собой главным образом научную систематизацию и концептуализацию известных фактов¹. Лишь в 2001 г., вскоре после выхода в свет английского издания нашей книги, появилась первая серьезная научная монография о событиях в Новочеркасске - книга С.Бэрона «Кровавая суббота в СССР», основанная на ряде новых и малоизвестных источниках, прежде всего, материалах расследования Главной военной прокуратуры СССР².

Что касается конфликтной истории сталинских лагерей, то для большинства работ российских историков конца 1980-1990-х гг. были характерны предельное упрощение проблематики Гулага и увлеченные занятия реконструкцией фактов на основе рассекреченных в постсоветское время архивных документов³. В результате произошло профессиональное погружение в фактографию и проблематику Гулага, но был утрачен солженицынский синкретизм, сфокусировавший в истории Гулага все проблемы социального и индивидуального бытия человека сталинского и отчасти послесталинского общества. Взаимосвязь «государство - общество - Гулаг» выпала из сферы конкретного исторического анализа и превратилась в предмет общих спекулятивных рассуждений.

Несмотря на появление отдельных содержательных работ о массовых выступлениях заключенных в Гулаге⁴, историография все еще

---

1 Alekseeva L., Triolo P.S. Unrest in the Soviet Union.// Washington Quarterly. No.13 (Winter 1990); Nikitina O. Novocherkassk: The Chronicle of a Tragedy.// Russian Social Science Review. 33. No.5 (September-October 1992); Mannteufel I. Der «Blumsamtag» in der Sowjetunion. Die Niederschlagung der Proteste in Novocerkassk im Juni 1962.// Osteuropa. Zeitschrift für Gegenwartsfragen des Ostens. 1998. No.7.

2 Baron S. Bloody Saturday in the Soviet Union. Stanford. 2001.

3 Иванова Г.М. Гулаг в системе тоталитарного государства. М.: МОНФ, 1997; Ivanova G.M. Labor Camp Socialism: The Gulag in the Soviet Totalitarian System. New York, London: M.E.Sharp, 2000; Иванова Г.М. Гулаг в советской государственной системе (конец 1920-х - середина 1950-х годов). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М. 2002.; Макарова А. Норильское восстание (Май - август 1953 года.) // Компакт-диск «Почти все о Таймыре». Цитируется сокращенный вариант статьи, опубликованный на сайте Красноярского «Мемориала»: <http://memorial.krsk.ru>.

4 См. например: Сопротивление в Гулаге: Воспоминания. Письма. Документы. М. 1992; Максимова Л.А. Забастовка в Воркутаге в 1953 г. // Тоталитаризм и личность. Пермь. 1994; Graziosi A. The great strikes of 1953 in Soviet labor camps in the accounts of their participants. A review // Cahier du monde russe et soviétique.- 1993.- № 4 (XXXIII); Макарова А. Норильское восстание // Воля (журнал узников тоталитарных систем.- 1993.- № 1; Кравери М. Кризис ГУЛАГА: Кенгирское восстание 1954 года в документах

предельно сужает проблематику конфликта «власть - заключенные», так же как и внутренних конфликтов в гулаговском социуме, загоняя их (подгоняя под?) в достаточно узкие рамки политического сопротивления в Гулаге. Отворачиваясь от «низменных» форм массовых выступлений заключенных (столкновения криминальных группировок, организованные воровскими авторитетами волынки и голодовки, стихийные бунты и т.п.), историография до сих пор не имеет адекватного видения сталинского Гулага как особого социума и государственного института, выполнявшего в сталинской системе функцию специфического депозитария нерешенных и (или) неразрешимых социальных, экономических, политических, культурных и национальных проблем.

Важную роль в обобщении и систематизации материала сыграла обзорная статья И.Осиповой «Сопротивление в Гулаге (По данным архива МВД и материалам, собранным Николаем Формозовым)». Это была одна из первых попыток расширить традиционную для старой историографии Гулага мемуарную основу исследования и включить в рассмотрение доступные в то время документы НКВД-МВД СССР, главным образом, за 1941-1946 гг. По материалам, полученным Н.Формозовым от бывших узников Гулага, И.Осипова составила список «наиболее известных» массовых выступлений заключенных с 1942 по 1956 г. В этот перечень было включено 17 эпизодов¹, часть которых впоследствии была документирована в архивных публикациях и профессиональных исследованиях историков, другие – так и остались полулегендарными.

Значение проведенной И.Осиповой ревизии протестной активности заключенных для начала 1990-х гг. очевидно. В то же время этот опыт нельзя назвать уникальным. Аналогичная информация может быть найдена у А.Солженицына или, например, в старых и новых изданиях НТС², в публикациях А.Грациози³ (1982/1992 гг.). Проблема же

МВД // *Cahier du monde russe*. - 1995. - № 3 (XXXVI); и др.

1 Осипова И. Сопротивление в Гулаге (По данным архива МВД и материалам, собранным Николаем Формозовым) // *Сопротивление в Гулаге*. С.208.

2 См., например: *Коммунистический режим и народное сопротивление в России, 1917-1991*. М.- «Посев». – 1998. Изд. 2-е, исправленное. С.53-58.

3 См.: Andrea Graziosi. *The Great Strikes of 1953 in Soviet Labor Camps in the Accounts of Their Participants*. A review.

заключается в том, что подобные списки, основанные на мемуарных свидетельствах, слишком некритически воспринимаются профессиональной историографией, попадают в учебную и научно-популярную литературу, периодическую печать. В 1990-е годы некоторые легенды, мифы, слухи, невнятные припоминания очевидцев преждевременно получили клеймо исторической подлинности, так и не пройдя профессиональной исторической экспертизы.

Перу той же И.Осиповой принадлежит статья, фактически отрывшая новый этап в источниковедении темы. Автор впервые в историографии попыталась документировать архивной информацией конкретное легендарное событие, так называемое «ретюнское восстание» 1942 г. в Воркутлаге¹. В 1995 г. итальянский историк Марта Кварери опубликовала статью о Кенгирском восстании 1954 г. Автор не только поставила волнения, бунты и забастовки заключенных Гулага в контекст общего кризиса системы репрессий и принудительного труда в СССР, но реконструировала конкретное событие, опираясь как на мемуарные источники, так и на рассекреченные документы МВД СССР². Событиям 1953 г. в Речном лагере посвящен специальный параграф в книге Н.А.Морозова³. К сожалению, М.Кварери и Н.А.Морозов, реконструируя события на основе официальных документов МВД и мемуарных свидетельств участников и очевидцев, не определили критерии, по которым они оценивают достоверность той или иной информации. В результате повествование представляет собой монтаж разнородных источников, без объяснения причин того, почему авторы повествования отдают предпочтение то мемуаристам, то гулаговским бюрократам.

Восстанию заключенных особого Горного лагеря (май-август 1953 г.) посвящена электронная публикация статьи Аллы Макаровой⁴. Автор

---

1 Осипова И. Отряд особого назначения № 41 // Сопротивление в Гулаге.

2 Марта Кварери. Кризис Гулага: Кенгирское восстание 1954 года в документах МВД. - Cahiers du Mond Russe, XXXVI (3), juillet-septembre 1995; См. также: Marta Craveri, Nikolai Formozov. La resistance au Goulag. Greves, revoltes, evasion dans les camp de travail sovietique de 1920 a 1956// Communisme. 1995. № 42/43/44.

3 Морозов Н.А. Особые лагеря МВД СССР в Коми АССР (1948-1954 годы). Сыктывкар. 1998. С.25-34.

4 Макарова А. Норильское восстание (Май - август 1953 года.) // Компакт-диск «Почти все о Таймыре». Цитируется сокращенный вариант статьи, опубликованный на сайте

рассмотрела предпосылки восстания, которые она трактует достаточно широко, в контексте истории воссозданной в годы войны политической каторги и системы особых лагерей. Алла Макарова одной из первых в литературе по истории политического сопротивления в Гулаге обнаружила вкус и потребность в терминологических изысканиях. В разделе «Почему события лета 1953 года в Норильске мы называем восстанием» Макарова фактически зафиксировала несводимость норильских событий к какой-либо известной форме сопротивления. Она признается, что понимает неточность термина «восстание», ибо «восставшие не имели оружия, более того, добровольно отказывались от различных попыток вооружить их». Она не принимает определений «мятеж», «волынка» и «массовое неповиновение заключенных лагадминистрации», хотя вряд ли можно всерьез рассматривать в качестве аргумента то, что этими терминами «пользовались суд, прокуратура, и лагерная администрация, в соответствии с их желанием видеть в протесте заключенных лишь простой в работе и массовое хулиганство, беспорядок, анархию в брошенных надзирателями зонах». Не согласна Макарова и с термином «забастовка», ибо «зародившаяся в зонах ненасильственная оппозиция, вынужденная действовать в рамках советской законности, нашла еще множество (небывалых прежде) форм: митинги и собрания заключенных для выработки общих требований, массовая голодовка, письма, жалобы, заявления, просьбы, обращения в советское правительство и многое другое...». В конце концов, Макарова приняла термин «восстание», практически полностью очистив его от первоначального и общеупотребительного смысла - подразумевая не «антисоветское «вооруженное контрреволюционное восстание», «а его противоположность — «восстание духа» — высшее проявление ненасильственного сопротивления бесчеловечной системе ГУЛАГа».

Терминологические рассуждения А.Макаровой представляют собой бесспорный интерес, но совсем не потому, что вносят ясность в проблему. Наоборот, противоречивость позиции автора фиксирует методологические бреши и спорные подходы не только к изучению

массовых выступлений заключенных Гулага, но и последующих массовых беспорядков на воле. Суть же проблемы заключается в том, что, описывая те же события в Норильске, можно, при желании, обосновать любое определение – и мятеж, и бунт, и волынка, и забастовка, и восстание. Все будет правильно, и все – неточно. Поэтому стремление историографии к мнимой ясности определений заставляет игнорировать действительный профиль событий, сочетавших в себе не только «ненасильственную оппозицию» или «максимально демократическое правление», «республику заключенных», как безапелляционно считает Макарова, но и закулисные действия подпольных групп украинских националистов, по привычке не брезгавших насилием и террором для удержания заключенных в орбите своего влияния.

В целом, в «конфликтной» истории послевоенного и послесталинского СССР элементарного знания фактов не хватает порой даже больше, чем новых идей. А большинство событий до сих пор просто не описаны историками. Это и многочисленные волнения на целине 1950-60-х гг. (кроме Темиртау¹), и солдатские бунты, и насильственные этнические конфликты в местах ссылки «наказанных народов» и там, куда они после смерти Сталина возвращались. Это волнения верующих, протестовавших против закрытия монастырей и храмов, и хулиганские бунты 1950-1960-х гг. Мало известны историографии такие «предшественники» Новочеркаска как происходившие в 1961 г. краснодарские события, муромский «похоронный» бунт, беспорядки в Александрове, волнения в Бийске. Почти отсутствуют в исторической литературе описания большинства беспорядков периода «позднего Хрущева» («сталинистские» выступления в Сумгаите, волнения в Кривом Роге и т.п.) и «раннего Брежнева».

Источники изучения конфликтных взаимоотношений народа и власти в период «либерального коммунизма» столь же обширны, сколь и

---

1 1959 год. Расстрел в Темиртау.// Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Под общей ред. академика Ю.Н.Афанасьева. Том. 2. Апогей и крах сталинизма. М. РГГУ. 1997.

малоизвестны. Это объясняется как «секретным» характером событий в советское время, так и незавершенностью работы по рассекречиванию посвященных этим событиям документов в 1990-е гг. В советской периодической печати 1950-начала 1980-х гг. интересующая нас информация фактически отсутствует. Исключение составляют краткие газетные заметки о судебных процессах участниками беспорядков, публиковавшиеся иногда в местной и (реже) в центральной печати. Большинство этих пропагандистских и совершенно неинформативных материалов появлялось в газетах в начале 1960-х гг., когда хрущевское руководство попыталось использовать новую тактику борьбы с подобными государственными преступлениями – публичное запугивание населения жестокостью приговоров. Практика такого запугивания оказалась неэффективной, вскоре от нее отказались, и над массовыми беспорядками вновь опустилась завеса секретности.

Первые профессиональные публикации документов о массовых беспорядках хрущевского и брежневского времени начали появляться в российской научной периодике в первой половине 1990-х гг. Особое значение имела опубликованная в журнале «Источник» «Справка о массовых беспорядках, имевших место в стране с 1957 г.», подготовленная в марте 1988 г. Председателем КГБ СССР Чебриковым для Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева¹. В справку КГБ попали далеко не все известные нам случаи массовых беспорядков 1957-1987 гг. Отчасти это объясняется формальными критериями отбора информации. В выборку, как правило, включались события с числом участников не менее 300 человек и, вероятно, только в том случае, когда действия зачинщиков и организаторов квалифицировались по соответствующей статье УК РСФСР и других союзных республик (массовые беспорядки). Ряд важных событий был просто пропущен составителями документа. Это, в частности, чеченский погром в Грозном и волнения молодых рабочих в Темиртау Казахской ССР (1958 г.).

В первой половине 1990-х гг. появились документальные публикации, посвященные отдельным значительным эпизодам. В уже

---

1 О массовых беспорядках с 1957 года...// Источник. 1995. № 6. (Вестник Архива)

упоминавшуюся подборку документов о событиях в Новочеркасске в 1962 г. (составители Р.Г.Пихоя, Н.А.Кривова, С.В.Попов и Н.Я.Емельяненко) вошли докладные записки КГБ при Совете Министров СССР в ЦК КПСС, текст выступления секретаря ЦК КПСС, члена Президиума ЦК КПСС Ф.Р.Козлова по новочеркасскому радио 3 июня 1962 г., обвинительное заключение по делу № 22 (первый групповой процесс над участниками волнений), несколько директивных документов Президиума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и КГБ о принятых в связи событиями в Новочеркасске мерах, а также информация КГБ и записка Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС о первом судебном процессе, состоявшемся 20 августа 1962 г.¹. Определенное представление об общественных настроениях, сопутствовавших новочеркасским волнениям, дает подготовленная В.Лебедевым публикация информационных справок КГБ о реакции населения на повышение цен на продукты питания в 1962 г.². В 1995 г. М.Зезиной была опубликована содержательная подборка документов о волнениях в Тбилиси в 1956 г. (закрытое письмо корреспондента газеты «Труд» главному редактору этой газеты, «Обращение ЦК КП Грузии и ЦК ЛКСМ Грузии к коммунистам, комсомольцам, к рабочим и служащим, ко всем трудящимся Тбилиси» и приказ № 14 начальника Тбилисского гарнизона от 9 марта 1956 г.)³. Из немногочисленных мемуарных источников следует упомянуть воспоминания участника новочеркасских событий П.Сиуды⁴ и свидетельства Ф.Баазовой, очевидицы политических волнений в Тбилиси в 1956 г., впервые вышедшие в свет за рубежом в 1978 г. и переизданные в России в 1992 г.⁵.

Президента Российской Федерации). С.143-153.

1 Новочеркасская трагедия, 1962.// Исторический архив. 1993. № 1, 4

2 "Объединяйтесь вокруг Христа - большевики повысили цены": Отношение населения СССР к повышению цен на продукты питания в 1962 г.// Неизвестная Россия: XX век. Вып.3. М.: Историческое наследие. 1993

3 См.: "Не допустим критики Сталина": События в Грузии: Март 1956 г.// Источник. 1995. № 6.

4 Сиуда П.П. Новочеркасская трагедия. // Карта: независимый исторический журнал. 1993. № 1

5 Баазова Ф. Танки против детей [Перепечатка из журнала "Время и мы", 1978 г.]// Родина. 1992. № 10

Особо следует отметить публикации источников по истории протестных выступлений заключенных Гулага¹. Исключительно важную роль сыграла, в частности, собирательская деятельность Н.Формозова и НИПЦ «Мемориал», уделявших первоочередное внимание политическому сопротивлению в лагерях. В первой половине 1990-х гг. появились первые издания архивных материалов о восстаниях в лагерях. Ценную подборку документов ГА РФ по истории восстания в Степном особом лагере (май-июнь 1954 г.) опубликовал А.И.Кокурин². Эту подборку вместе с отдельными документами по истории восстаний в Горлаге и Речлаге А.И.Кокурин и Н.В.Петров включили также в хрестоматию «ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917-1960»³. После выхода в свет 7-томного собрания документов «История сталинского Гулага» можно говорить о кардинальном изменении источниковедческой ситуации. Издание, подготовленное Федеральным архивным агентством России, Государственным архивом РФ и Губернским институтом войны, революции и мира⁴, не только знакомит читателей с сотнями важнейших документов об одной из самых крупных карательных систем XX в. Седьмой том представляет исследователям систематизированную информацию о составе и содержании богатейших архивных фондов ГА РФ по истории сталинских репрессий и лагерей. В отдельном томе опубликованы результаты многолетних архивных поисков и размышлений автора этой книги о конфликтном социуме Гулага, феноменологии восстаний, бунтов и забастовок заключенных.⁵ Тем самым был восполнен существенный пробел первого издания «Массовых беспорядков в СССР», где отсутствовала «конфликтная» история сталинского и послесталинского Гулага.

---

1 См., например: Нильский М. Воркута. Сыктывкар, 1991. С.79-100; Печальная пристань. Сыктывкар, 1991. С. 328-344; Сопротивление в ГУЛАГе : Воспоминания. Письма. Документы. Сост. С.С. Виленский. - М. : Моск. ист.-лит. об-во «Возвращение», 1992. М., 1992.

2 Восстание в Степлаге (май-июнь 1954 г.). Публикация А.И.Кокурина // Отечественные архивы. 1994. № 4. С.33-81.

3 Россия. XX век. Документы. Под общ.ред. А.Н.Яковлева. Гулаг (Главное управление лагерей). 1917-1960. Сост.: А.И.Кокурин и Н.В.Петров. Науч. ред. В.Н.Шостаковский. М. 2000.

4 История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950 г. Собрание документов в семи томах. М.: РОССПЭН, 2004

5 История сталинского Гулага. Т.6. Восстания, бунты и забастовки заключенных.

90 % использованных в книге источников являются относительно недавно рассекреченными архивными документами, большинство которых впервые введено в научный оборот. Особое значение имели партийные документы, отражавшие реакцию высшего руководства страны на народные волнения и бунты. В новом издании книги были широко использованы черновые протокольные записи заседаний Президиума ЦК КПСС за 1954-1964 гг., опубликованные А.А.Фурсенко в 2003 г.¹. Надо отметить «келейный» характер рассмотрения подобных проблем в ЦК КПСС. Достаточно сказать, что вопрос о массовых беспорядках дошел до уровня Пленума ЦК КПСС лишь однажды, в связи с волнениями русского населения в Грозном². Чаще нам приходилось иметь дело с информационно-справочными документами, полученными ЦК КПСС из местных партийных органов, министерств и ведомств, с конкретными «точечными» решениями партийно-государственных органов по отдельным большим вопросам. Важное значение для раскрытия темы имела коллекция материалов, рассекреченных в связи с подготовкой суда над КПСС в 1993 г.¹.

В ЦК КПСС регулярно поступали материалы КГБ при Совете Министров СССР, МВД СССР и Прокуратуры СССР. Только часть документов, полученных ЦК КПСС из КГБ в 1953 - начале 1980-х гг., отложилась в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ). Информацию о наиболее важных случаях партийные архивисты имели обыкновение изымать из дел Общего отдела ЦК КПСС и хранить в архиве Политбюро ЦК КПСС (ныне Архив Президента Российской Федерации). Историческая часть этого архива за интересующие нас годы очень медленно передается на государственное хранение. В ряде случаев аналитические документы по интересующей нас теме или близким к ней сюжетам (состояние преступности и судимости по политическим преступлениям, настроения населения, борьба с инакомыслием и т.п.) КГБ при Совете Министров СССР готовил

Отв.ред. и сост. В.А.Козлов, Сост. О.В.Лавинская. - М.: РОССПЭН, 2004

1 Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Т.1: Черновые протокольные записи заседаний.

Стенограммы. / Гл. ред. А.А.Фурсенко. М. РОССПЭН. 2003.

2 См.: Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф.2. Оп.1. Д.329. Л.30-41

совместно с Прокуратурой СССР. В этом случае необходимые материалы удавалось получить в фонде Прокуратуры СССР ГА РФ.

Пробелы информации в партийных документах и документах КГБ были восполнены благодаря докладным запискам и спецсообщениям МВД СССР в ЦК КПСС и лично Н.С.Хрущеву. ГА РФ располагает полной коллекцией таких документов за 1954-1960 гг. Можно уверенно утверждать: нам известно все, что сообщало МВД СССР в это время в высшие партийные инстанции о массовых волнениях и беспорядках. К сожалению, документы более позднего периода не переданы на государственное хранение из МВД РФ, в большинстве своем не рассекречены и обычному исследователю практически недоступны.

Важнейшим комплексом документов для нашей темы являются надзорные производства Отдела по надзору за следствием в органах государственной безопасности Прокуратуры СССР. Эти в большинстве своем рассекреченные документы, хранящиеся в настоящее время в Государственном архиве Российской Федерации, охватывают практически весь интересующий нас период - от прихода Хрущева к власти в 1953 г. до начала 1980-х гг. Для того, чтобы оценить полноту, достоверность и репрезентативность материалов Прокуратуры СССР, следует иметь в виду, что участие в массовых беспорядках относилось к государственным преступлениям, предусмотренным статьей 16 Закона СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» и статьей 79 УК РСФСР (аналогичные статьи были в уголовных кодексах других союзных республик). Признаками массовых беспорядков считались, в частности, погромы, разрушения, поджоги и т.п. массовые действия. Отдельных участников беспорядков судили также за «антисоветскую агитацию и пропаганду» (ст.58¹⁰, а затем ст.70 УК РСФСР (редакция 1960 г.) и аналогичные статьи УК союзных республик) и за хулиганство (ст. 206 УК РСФСР и аналогичные статьи УК союзных республик).

Сведения об осужденных по статье УК о хулиганстве могли и не попасть в Отдел по надзору за следствием в органах госбезопасности.

---

1 РГАНИ. Ф.89. Перечни 6, 11, 16, 20, 27, 51.

Обычно это были дела о групповых драках, не сопровождавшихся столкновениями с властями, погромами и т.п., либо таким образом квалифицировались действия какой-то группы участников городского бунта (остальные проходили по статье 79 УК РСФСР и аналогичным ей статьям УК союзных республик). Квалификация действий участников беспорядков по статьям 70 и 79 означала, что предварительное дознание и тем более следствие будут вести органы КГБ, а надзор за следствием, так же как и за рассмотрением кассационных жалоб и ходатайств о помиловании, как самих осужденных, так и их родственников, будет осуществлять Отдел надзора за следствием в органах государственной безопасности Прокуратуры СССР и соответствующие отделы в прокуратурах союзных республик.

С начала 1960-х гг. была введена практика обязательного информирования отдела местными прокурорами обо всех подлежащих его контролю делах. В идеале предполагалось, что спецсообщения местных прокуратур должны направляться в Прокуратуру СССР немедленно после события и быть основанием для открытия надзорного производства. Сопоставление данных надзорных производств о государственных преступлениях с другими источниками и литературой показало, что большинство действительно крупных событий 1960-х гг., участники которых обвинялись в «массовых беспорядках», «бандитизме» или «антисоветской агитации», сопряженной с массовыми волнениями, нашли свое отражение в делах Отдела по надзору за следствием в органах государственной безопасности Прокуратуры СССР.

Несколько хуже обстоит дело с событиями второй половины 1950-х гг. Судя по документам отдела, в это время также практиковалась посылка местными прокурорами в Прокуратуру СССР спецсообщений о «массовых беспорядках». Но прокуроры довольно часто отступали от этого правила, а сам отдел в это время был перегружен другими делами (реабилитация жертв сталинских репрессий и т.п.). В результате не удалось, например, обнаружить первичных надзорных производств по делам участников массовых беспорядков в Тбилиси в 1956 г., чеченского погрома в Грозном в 1958 г., о протестах и выступлениях населения против закрытия монастырей, скитов и церквей в конце 1950-х гг. В этих

случаях интересующая нас информация была получена либо в фонде МВД СССР, либо в делах Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР.

В целом, предпринятые автором многолетние архивные разыскания в бывшем архиве Общего отдела ЦК КПСС (ныне РГАНИ), Государственном архиве Российской Федерации (фонды МВД СССР, Прокуратуры СССР и РСФСР, Верховных судов СССР и РСФСР, Гулага, Совета по делам религий при Совете Министров СССР), дополненные опубликованными в последнее десятилетие источниками и мемуарами, позволили создать обширный комплекс достоверных источников об истории социальных и этнических конфликтов, городских бунтов и волнений на территории СССР в период Хрущева и Брежнева.

Объективное состояние историографии заставило автора одновременно решать две группы исследовательских задач. Сочетать трудоемкую саму по себе фактографическую реконструкцию событий на основе фронтальных архивных разысканий (сплошной просмотр значительных документальных комплексов в поисках спорадически встречающейся информации о социальных и этнических конфликтах) с разработкой теоретических и методологических проблем исторической конфликтологии в контексте узловых проблем социально-политической истории послевоенного периода.

Бунтарская активность населения СССР, протекавшая в жестких рамках достаточно стабильного и жизнеспособного в то время режима, рассмотрена в книге в контексте кризиса модернизации, агонии традиционного российского общества, попыток власти и населения адаптироваться к реальностям постсталинской эпохи. Анализ возникавших на этой почве конфликтных взаимоотношений между народом и режимом опирается на так называемое широкое понимание конфликта, предложенное Р. Дарендорфом¹, который считал конфликтом любое отношение между индивидуумами или группами, если в нем присутствует несовместимая разница целей. При этом конфликт рассматривается автором не только как *действия* сторон,

---

1 Dahrendorf, Ralf. "Toward a Theory of Social Conflict", in *Social Change: Sources, Patterns*

имеющих несовместимые цели, но прежде всего как определенное социальное *состояние*¹, перерастающее (или не перерастающее) в открытое (или скрытое), активное (или пассивное) столкновение или противодействие.

Вслед за Льюисом Коузером², автор исходил из того, что конфликт оказывает на общество положительное воздействие, причем не только в эластичных, демократических, но и в жестких, авторитарных системах. Ясно, что авторитарные режимы и диктатуры в конфликтной ситуации стремятся скорее к уничтожению оппонента (если это конфликт какой-то группы населения с властью) либо к подавлению обеих сторон межгруппового или этнического конфликта, самодеятельность которых воспринимается как нарушение прерогатив режима, чем к конструктивному поиску компромисса. Однако вряд ли кто-либо станет отрицать, что в недемократических общественных системах, для которых характерны отсутствие легальных каналов выражения недовольства и отстаивания групповых интересов, неэффективность обратной связи с народом, заблокированной административным усмотрением бюрократии, именно массовые беспорядки, стихийные бунты и волнения реализуют эту обратную связь. Начальство получает прямой и жесткий сигнал о наличии конфликта в обход действующей бюрократической машины. Даже в случае жестокой расправы с участниками волнений, безусловно, нарушавших закон и общественный порядок, власти вынуждены искать объяснения и причины, вносить изменения в политику и, в конце концов, находить более или менее приемлемый баланс интересов.

Глобальное противостояние «коммунизм-капитализм» в годы «холодной войны» заставляло советских коммунистов, западных левых, так же как и их либеральных оппонентов, фактически игнорировать специфические функции волнений и беспорядков в советском механизме социального взаимодействия и интерпретировать факты подобных

---

and Consequences. - New York. - 1964

1 См. также: Козлов В.А. Состояние духовной жизни общества как категория системного изучения истории советской культуры // Системный подход к истории советской культуры: Сборник научных трудов. - Новосибирск. - 1985

2 Coser, Lewis. Continuities in the Study of Social Conflict.- New York.- 1967

выступлений, прежде всего как непосредственное покушение на систему. Советские коммунисты связывали массовые беспорядки с «несознательностью народа», с влиянием «буржуазных пережитков» и т.п., западные левые (троцкисты, в частности) видели в них выступления трудящихся против переродившегося режима, антикоммунисты и либералы склонялись к тому, чтобы рассматривать подобные явления чуть ли ни как борьбу за демократические ценности. Позитивно или негативно оценивали идеологические противники эти события, в данном случае значения не имеет. «Антисистемный» характер народных волнений и бунтов во времена Хрущева и Брежнева не вызывал у большинства из них никакого сомнения.

Разработанные в 1970-1980-е гг. и опубликованные в начале 1990-х гг. историософские концепции А.С.Ахиезера¹ и А.В.Оболонского предлагают принципиально иной взгляд на феномен социально-политического и социально-психологического «симбиоза» народа и власти на различных этапах развития российского общества.

Целый ряд идей Ахиезера оказался удивительно созвучен «конфликтной» истории послесталинского СССР. Философ убедительно рассмотрел активное противостояние массового догосударственного сознания (в основном крестьянского) государству, русский коммунизм как силу, которая попыталась превратить внутренний раскол общества в тайну, свести его к расколу «нашей» правды-истины и мировой кривды, но так и не смогла остановить маховик саморазрушения расколотого общества. Он показал удивительную манихейскую способность российского массового сознания моментально менять знаки («добро-зло», «правда-кривда», «мы-они») при поиске смысла того или иного явления. Рецензия А.С.Ахиезера на первое русское издание книги о массовых беспорядках очень помогла работе над новыми изданиями, прежде всего благодаря «созвучным» интерпретациям бунтарской активности населения СССР, помещенным в контекст развернутой историософской схемы. А.С.Ахиезер (один из немногих) понял и принял главное в моем подходе к массовым беспорядкам. Это были не

---

1 См.: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. В 3-х томах. М.- 1992

разбросанные во времени и пространстве локальные события, а интегральное выражение общественной дезорганизации, «скрытой под покровом, казалось бы, всеобъемлющего тоталитарного контроля», своеобразный фокус, через который следует рассматривать «и принятие решений, и саму массовую деятельность людей»¹.

Столь же полезными оказались и некоторые идеи А.В.Оболонского, который определил доминирующий «генотип» в российской культурно-этической и социально-психологической традиции – «системоцентризм». Мировоззренческой основой «системоцентристского генотипа» он считает «традиционалистскую ориентацию на стабильность отношений внутри Системы как высшую ценность... Внутреннее жизненное равновесие для члена такого коллектива достижимо лишь через полную гармонию с Системой, которая, в свою очередь, сохраняет устойчивость лишь благодаря соответствующему поведению своих членов». По мнению Оболонского, господство в обществе подобного мировоззрения «отнюдь не гарантирует против мятежей и прочих социальных катаклизмов... Но все такие движения направлялись не против Системы как таковой, а против отдельных лиц и группировок, злоупотреблявших, по мнению массы, своим привилегированным в ней положением и тем самым угрожавшим ее стабильности. Не случайно народные восстания в традиционных обществах, как правило, проходили под флагом идеи «добротого царя», и когда оседала пыль восстания, основные бастионы Системы оказывались не только неповрежденными, но порой и еще более прочными»².

Тезис о «системной лояльности» участников массовых волнений можно распространить на многие «плебейские» беспорядки новейшего времени. Стихийные лидеры беспорядков 1950-1960-х гг. обычно не покушались на устои коммунистической системы. Их действия были направлены либо против «плохих чиновников» на местах, либо «плохого

---

1 См.: Pro et contra. 2001. № 6

2 Оболонский А.В. Драма российской политической истории: система против личности. М. 1994. С.11. Слово "Система" используется А.В.Оболонским не в политическом, а в более широком смысле. Он доказывает, что "сама по себе смена политических систем в нашей стране не приводила к принципиальным изменениям Системы в смысле типа

Хрущева» на самом верху. Даже в Новочеркасске демонстранты, как известно, несли перед собой портрет Ленина, наглядно демонстрируя свою идеологическую лояльность и «верность делу коммунизма».

Все многообразие конфликтных ситуаций, разумеется, не может быть описано ни одной, даже самой подробной классификационной схемой. Тем не менее, очевидно, что любая теория конфликта вынуждена оперировать «чем-то, напоминающим «двухклассовую модель»» (Дарендорф). И прежде чем заниматься конкретным историческим анализом массовых беспорядков, предшествовавших и сопутствовавших им событий, нужно ответить на очевидный вопрос: кого собственно считать сторонами конфликта в каждом конкретном случае. На практике этот простой вопрос оказывался далеко не таким простым. Переход напряженности из латентной (скрытой) формы в форму открытого (и острого) противодействия неизбежно приводил к вмешательству государственной власти в любой, даже самый заурядный бытовой конфликт, нарушавший монополию государства на насилие и содержащий в себе угрозу общественному порядку. Индивидуумы и социальные группы постоянно вращались в порочном круге: легальные пути выражения недовольства закрыты, а нелегальные, естественно, преступны. Неудивительно поэтому многочисленные факты перерастания межгрупповых конфликтов в неповиновение местным властям, которым участники столкновения отказывали в праве быть третьей стороной. В этом контексте даже групповая драка, закончившаяся столкновением с милицией или попытками освобождения задержанных хулиганов, может рассматриваться в рамках более общего конфликта «население-власть».

Учитывая, что в советском обществе большинство социальных групп было атомизировано и в результате монополии КПСС на власть не имело легальной возможности для организованного выражения и отстаивания своих особых интересов, мы вынуждены были использовать весьма расплывчатый, но более объемный термин «население» вместо «группа», «класс» и т.п. По тем же причинам для определения другой

социальных отношений между людьми". (Там же.)

стороны конфликта мы предпочли понятие «власть» понятию «государство» - строгое использование термина «государство» придало бы многочисленным стихийным волнениям и беспорядкам статус гораздо более осмысленных и целенаправленных действий, чем это было в действительности.

Для советского общества, организованного более примитивно, во всяком случае, иначе чем гражданское общество западного типа, антиномия «население-власть» точнее передает специфические черты интересующих нас конфликтных ситуаций, чем принятые в западной социологии противопоставления «группа-общество», «группа-государство» и т.п. Иначе говоря, язык описания конфликтов не должен противоречить историческому и культурному своеобразию того или иного социума, его традициям, языку, на котором сами представители данного социума описывают свои действия и поведение. Наложение на одно общество понятий и категорий, выработанных для описания иного общества, неважно более или менее развитого и сложного (главное – другого!), не только существенно искажает общую картину, но и мешает оценить перспективу развития тех или иных событий.

В сферу нашего анализа попали не только собственно «массовые беспорядки», как определяло их советское уголовное право, но и другие - как острые, так и «мягкие» формы конфликтов, независимо от того, по какой статье квалифицировались эти деяния в советском законодательстве. Основными критериями внутренней классификации конфликтных ситуаций, а, следовательно, и выбора объектов исследования были, во-первых, массовость, размах и продолжительность столкновений (от групповых драк, сопровождавшихся кратковременным сопротивлением сотрудникам милиции, до многодневных городских бунтов, в которых участвовали сотни, а то и тысячи человек), во-вторых, уровень насилия и жестокости, проявленных участниками конфликта (погромные действия, массовые избиения, количество пострадавших, смертельные исходы, применение огнестрельного оружия властями или участниками беспорядков), в-третьих, - формы сопротивления власти (нападения на милиционеров, сотрудников КГБ, дружинников (бригадмильцев), военных; погромы

отделений или постов милиции; уничтожение документов милиции или КГБ; попытки освобождения из-под стражи заключенных; нападения на партийные комитеты и государственные учреждения и причинение им материального ущерба).

В книге рассматриваются как традиционные для России «бунташные» модели асоциального поведения масс («хулиганские войны» и «оккупации», погромы, стихийные выступления против местных властей, этнические беспорядки), так и более осмысленные формы протеста, имевшие относительно внятную политическую направленность, включавшие в себя ростки забастовочного и стачечного движения или использовавшие лозунги борьбы за национальную независимость. Особое внимание уделено парадоксальным формам народной «коммунистической мечты», нередко выступавшей в качестве идеологической оболочки социального конфликта и противостоявшей «реальному социализму» как «украденная правда», моделям массового конфликтного поведения, реконструкции психологических типов участников и лидеров массовых беспорядков, культурных и этических стереотипов, «работавших» «за» и «против» режима в кризисных ситуациях.

Эпоха Хрущева и Брежнева, которую автор обозначил условным термином «либеральный коммунизм», принципиально отличалась как от репрессивной диктатуры 1930-1940-х гг., так и от попыток Горбачева реформировать «советский социализм», завершившихся крахом всей системы. Главным аргументом при определении хронологических рамок работы была оценка всей эпохи «либерального коммунизма» как пространства борьбы между потребностями модернизации и укорененными в институтах власти и управления, идеологии и массовой психологии традициями «патриархального патернализма» и бюрократического произвола. Вместо современной модели демократического взаимодействия между обществом и государством доминировала традиционная дихотомия «народ-власть». Поиск оптимального или, по крайней мере, адекватного новой постиндустриальной эпохе социально-политического механизма и при Хрущеве, и при Брежневе шел спонтанно, осмысливаясь во враждебных

новой реальности идеологических формах. О самом наличии социальных и этнических конфликтов, реакции народа на свои решения правящая верхушка узнавала в неизбежно извращенной форме бунтов и массовых беспорядков либо нелегальных «антисоветских проявлений». Попытки Горбачева перестроить эту патриархальную «механику» привели к краху всей советской системы, ослаблению (но не исчезновению!) патерналистской традиции, появлению институтов гражданского общества, деградация которых чревата постоянными кризисами легитимности, угрозой полного отката к патерналистским формам управления страной, а значит и бунтов, «бессмысленных и беспощадных», как крайнего средства «информирования» властей о невыносимости бытия.

*

*

*

Работа над этой книгой была долгой. Ее появление на свет было бы невозможно без поддержки фонда Харри Фрэнка Гугенхайма (США, Нью-Йорк), который в 1997 г. одобрил проект «Городские беспорядки в советской России, 1960-1963». Первоначально книга вышла в свет на русском языке в новосибирском издательстве «Сибирский хронограф» (1999 г.). В 2002 г. ее сокращенный английский вариант в переводе и под редакцией Элейн МакКларнанд МакКиннон был опубликован издательством «M.E.Sharp Inc.»¹. В 2006 г. издательство Олма-пресс под неудачным заголовком «Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти. 1953-1985» выпустило второе переработанное и дополненное русское издание книги². В это издание была включена глава «Ящик Пандоры: конфликтный опыт ГУЛАГа», основанная на последних исследованиях автора. Появление главы о конфликтном социуме ГУЛАГа потребовало не просто изменений в структуре книги (новая последовательность глав), но и концептуальной перестройки текста, анализа таких факторов и обстоятельств массовых волнений эпохи

---

1 Vladimir A.Kozlov. Mass Uprisings in the USSR. Protest and Rebellion in the Post-Stalin Years. Translated and edited by Elaine McClarnand MacKinnon. M.E.Sharp. Armonk, New York, London, England. 2002

2 Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти. 1953-1985. М. Олма-пресс. 2006

«либерального коммунизма», которые остались вне поля зрения автора в изданиях 1999 и 2002 гг. Кроме того при подготовке второго издания были использованы исследования автора по проблемам советского «крамольного» сознания и престолярной оппозиционности¹. По сравнению с русским вариантом 1999 г. были кардинально переработаны введение и, особенно, заключение.

В нынешнем третьем русском издании не только исправлены частные ошибки и недостатки, замеченные как автором, так и внимательными читателями, дополнены и уточнены описания отдельных конфликтных эпизодов. Более существенно другое. Опубликованные в последнее время или недавно найденные автором в архивах документы позволили существенно расширить анализ двух ключевых проблем, лишь пунктиром намеченных в предыдущих изданиях: влияние народных волнений на изменения политического курса и тактические решения высшего партийного и государственного руководства (оно, это влияние, оказалось более существенным, чем мне это представлялось раньше), и неочевидные прежде взаимосвязи между массовыми выступлениями и интеллигентской политической оппозиционностью.

В книгу включена новая глава «Замороженная «оттепель» или Почему не «как в Венгрии»?», существенно переписаны разделы, посвященные насильственным этническим конфликтам на целине и в районах новостроек; везде, где это позволяли вновь открывшиеся источники, проанализирована реакция высшего партийного руководства на происходившие события. Дополнительно привлеченные материалы не просто подтвердили справедливость рабочей гипотезы об органичной включенности народных протестных выступлений в механизм авторитарного управления, но и позволили уточнить представления о том, как именно работала эта вторая сигнальная система в эпоху «либерального коммунизма».

Первым читателем книги был мой добрый друг и старый знакомый

---

¹ См.: Козлов В.А. Крамола: инакомыслие в СССР во времена Н.Хрущева и Л.Брежнева (По материалам Верховного суда и Прокуратуры СССР). Статьи 1 и 2. - Общественные науки и современность . 2002, № 3 и 4; Козлов В.А. Введение. – В. кн.: Крамола: инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР. Под ред. В.А.Козлова и С.В.Мироненко. Отв.

профессор социологии Калифорнийского университета (Сан Диего) Тимоти МакДэниел. Он же стал её первым критиком - доброжелательным, умным и справедливым. Этому замечательному человеку автор вообще многим обязан в жизни. На разных этапах работы моральную и профессиональную помощь и поддержку оказывали автору Ольга Эдельман, профессора Шейла Фитцпатрик, Арч Гетти, Джеффри Бурдс, Дэвид Пайк, Дон Рейли (США), Франческо Бенвенути (Италия), доктора исторических наук С.В.Мироненко и О.В.Хлевнюк, историк, член общества «Мемориал» Н.В.Петров. Неоценимой была помощь Д.Н.Нохотович в поиске и подборе материалов в фондах Государственного архива Российской Федерации.

Книга посвящена Марине Козловой, которая не только вдохновляла автора, это была как раз самая легкая часть ее обязанностей, но и терпела капризы, ругала, когда ленился, а главное - помогала жить простым фактом своего существования на земле.

В.Козлов